

Ф. Энгельс

**Людвиг Фейербах: С
приложениями**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э62

Э62 **Энгельс Ф.**
Людвиг Фейербах: С приложениями / Ф. Энгельс – М.: Книга по Требованию,
2017. – 138 с.

ISBN 978-5-517-99384-7

ISBN 978-5-517-99384-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

покоряетъ своему вліянію любознательнаго, но недостаточно подго-
товленнаго и недостаточно самостоятельнаго искателя философской
истины. Вотъ вамъ и готовъ „соединитель“! Намѣренія у него
были хорошія, а результатъ получился скверный.

Нѣтъ, что-бы тамъ ни говорили наши противники, а это не-
оспоримо: стремленіе къ „соединенію“ теоріи Маркса съ другими
теоріями,—которыя, по нѣмецкому выраженію, бьютъ ее по ли-
цу,—обнаруживаетъ стремленіе къ выработкѣ стройнаго созерца-
нія, но оно обнаруживаетъ также *слабость мысли, неспособ-
ность строго и послѣдовательно держаться одного основ-
ного принципа*. Иначе сказать,—тутъ обнаруживается неспособ-
ность понять Маркса.

Какъ помочь этому горю? Я не вижу другого средства, кромѣ
распространенія правильнаго взгляда на философію Маркса-Энгельса.
А въ этомъ смыслѣ предлагаемая брошюра можетъ, какъ я думаю,
сдѣлать очень много.

Мнѣ самому не разъ приходилось слышать вопросъ: почему
нельзя соединить историческій материализмъ съ трансценденталь-
нымъ идеализмомъ Канта, съ эмпирио-критицизмомъ Авенариуса,
съ философіей Маха и проч.? Я всегда отвѣчалъ на это почти въ
тѣхъ же выраженіяхъ, въ которыхъ отвѣчаю теперь. Что касается
Канта, то мое примѣчаніе (см. стр. 115—117) показываетъ полную
невозможность „соединить“ философское ученіе Канта съ теоріей
развитія. Такъ же мало соединимы съ ней и взгляды Маха и Аве-
нариуса, представляющіе собою новѣйшую разновидность философіи
Юма. Если послѣдовательно держаться этихъ взглядовъ, то при-
дешь къ *соллпсизму*, т. е. къ отрицанію существованія всѣхъ
людей, кромѣ самого себя. Не думайте, читатель, что это шутка.
Хотя Махъ энергично протестуетъ противъ отождествленія его
философіи съ субъективнымъ идеализмомъ Берклея *), но этимъ
доказывается лишь его непослѣдовательность. Если тѣла или вещи
представляютъ собою только мысленные символы нашихъ ощуще-
ній (точнѣе, группъ, комплексовъ ощущеній), и еслѣ онѣ не суще-
ствуютъ внѣ нашего сознанія,—а именно такова мысль Маха,—

*) Die Analyse der Empfindungen, vierte Auflage, S. S. 282—283.

то отъ субъективнаго идеализма и отъ солипсизма можно отдѣлываться лишь посредствомъ вопіющей непослѣдовательности. И не даромъ одинъ изъ учениковъ Маха, Г. Корнелиусъ, въ своей книгѣ „Einleitung in die Philosophie“ (München, 1903) подошелъ вплотную къ солипсизму. Онъ (стр. 322) признаетъ, что наука не можетъ разрѣшить для человѣка въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ вопросъ о томъ, существуетъ-ли какая-нибудь психическая жизнь, кромѣ его собственной. Это неоспоримо съ точки зрѣнія махизма, но если существованіе чуждой мнѣ психической жизни остается для меня сомнительнымъ; если,—какъ мы видѣли,—тѣла вообще суть только символы ощущеній, то остается помириться съ солипсизмомъ, чего не рѣшается, однако, сдѣлать Корнелиусъ.

Надо замѣтить, что Махъ считаетъ Г. Корнелиуса не своимъ ученикомъ, а ученикомъ Авенариуса. Это не удивительно потому, что между взглядами Маха, съ одной стороны, и Авенариуса съ другой,—очень много общаго, какъ это признаетъ, впрочемъ, самъ Махъ *). Для философіи Авенариуса,—какъ и для философіи Маха,—вопросъ о томъ, что Фихте называетъ *множественностью индивидуумовъ*, есть главное затрудненіе, съ которымъ она не можетъ справиться иначе, какъ или признавъ истину матеріализма, или упершись въ тупой переулочекъ солипсизма. Это должно быть очевидно для всякаго мыслящаго человѣка, который дастъ себѣ трудъ прочесть, напримѣръ, вышедшее въ русскомъ переводѣ сочиненіе Авенариуса: „*Человѣческое понятіе о мірѣ*“ *).

Само собою понятно, что солипсизмъ можетъ быть „соединенъ“ съ какимъ-нибудь (не только съ матеріалистическимъ) взглядомъ на исторію развѣ только послѣдователемъ Попрщина.

*) Смотри у него въ выше названной книгѣ главу: Mein Verhältniss zu R. Avenarius und anderen Forschern, S. 38.

**) Одинъ нѣмецкій писатель замѣчаетъ, что для эмпириокритицизма *опытъ* есть только предметъ изслѣдованія, а вовсе не средство познанія. Если это такъ, то противопоставленіе эмпириокритицизма матеріализму лишается смысла, и разсужденія на тему о томъ, что эмпириокритицизмъ призванъ смѣнить собою матеріализмъ, оказываются совершенно пустыми и праздыми.

Современное учение о развитіи, — частью котораго является наше объясненіе исторіи, — находитъ себѣ прочное обоснованіе *только* въ матеріализмѣ, и не удивительно, поэтому, что основатели научнаго социализма, какъ выразился Энгельсъ (см. стр. 61 предлагаемой брошюры), *не шутили съ матеріализмомъ*, послѣдовательно прилагая его въ тѣхъ отрасляхъ знанія, которыя до нихъ были самой надежной твердыней идеализма.

И замѣтите, что съ матеріализмомъ тѣсно связанъ не только *научный* социализмъ. *Утопическій* социализмъ, любившій кокетничать съ идеализмомъ и даже съ религіей, тоже долженъ быть признанъ его законнымъ сыномъ, какъ это очень хорошо видно изъ перваго приложенія къ этой брошюрѣ („Карлъ Марксъ о французскомъ матеріализмѣ XVIII столѣтія“).

„Картезіанскій матеріализмъ“, — говоритъ въ немъ Марксъ, — „превратился въ *естествознаніе*, собственно такъ называемое. Другое направленіе французскаго матеріализма впадаетъ прямо въ *социализмъ* и *коммунизмъ*. Не надо большаго ума, чтобы понять необходимую связь, существующую между ученіями французскаго матеріализма о природной склонности къ добру и о равенствѣ умственныхъ способностей всѣхъ людей, о всемогуществѣ опыта, привычекъ, воспитанія, о вліяніи на человѣка внѣшнихъ обстоятельствъ, о высокомъ значеніи промышленности, о нравственной правомѣрности наслажденія и т. д. — съ коммунизмомъ и социализмомъ. Если человѣкъ черпаетъ всѣ свои ощущенія, знанія и т. д. изъ внѣшняго міра, то надо, стало быть, такъ устроить окружающій его міръ, чтобы человѣкъ получалъ изъ этого міра достойныя его впечатлѣнія, чтобы онъ привыкалъ къ истинно человѣческимъ отношеніямъ, чтобы онъ чувствовалъ себя человѣкомъ. Если правильно понятый личный интересъ есть основа всякой нравственности, то надо, стало быть, позаботиться о томъ, чтобы интересы отдѣльнаго человѣка совпадали съ интересами человѣчества. Если человѣкъ несвободенъ въ матеріалистическомъ смыслѣ этого слова, т. е. если его свобода заключается не въ отрицательной способности избѣгать тѣхъ или другихъ поступковъ, а въ положительной возможности проявленія своихъ личныхъ свойствъ, то надо, стало быть, не карать отдѣльныхъ лицъ за ихъ преступленія, а

уничтожить противообщественные источники преступлений и дать въ обществѣ свободное мѣсто для дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка. Если человѣческій характеръ создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сдѣлать эти обстоятельства достойными человѣка. Если природа предназначила человѣка къ общественной жизни, то, стало быть, только въ обществѣ обнаруживаетъ онъ свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдѣльныхъ личностяхъ, а на цѣломъ обществѣ. Эти и подобныя этимъ положенія почти дословно встрѣчаются даже у самыхъ старыхъ французскихъ матеріалистовъ“.

Далѣе Марксъ очень ясно обнаруживаетъ кровное родство съ матеріализмомъ различныхъ утопическихъ школъ Франціи и Англіи.

На все это не обращаютъ никакого вниманія люди, стремящіеся „соединить“ марксизмъ съ тѣми или другими разновидностями болѣе или менѣе послѣдовательнаго идеализма. И это жаль, тѣмъ болѣе жаль, что въ самомъ же дѣлѣ „не надо большого ума“, чтобы понять всестороннѣйшую несостоятельность всѣхъ этихъ соединительныхъ попытокъ.

Но какъ надо понимать *матеріализмъ*? Объ этомъ очень много спорять до настоящаго времени. Энгельсъ говоритъ на стр. 41—42 предлагаемой брошюры: „Возвышеннѣйшій вопросъ всей философіи, вопросъ объ отношеніи мышленія къ бытію, коренится, стало быть, совершенно такъ же, какъ и всѣ религіи, въ ограниченныхъ и невѣжественныхъ представленіяхъ дикаря. Но онъ могъ быть рѣзко поставленъ и пріобрѣсти все свое значеніе лишь послѣ того, какъ европейское человѣчество пробудилось отъ долгой зимней спячки христіанскихъ среднихъ вѣковъ. Уже въ средневѣковой схоластикѣ игравшій большую роль вопросъ о томъ, какъ относится мышленіе къ бытію, что чему предшествуетъ: духъ природѣ или природа духу, этотъ вопросъ, на зло церкви, принялъ болѣе рѣзкій видъ вопроса о томъ, созданъ-ли міръ богомъ, или онъ существуетъ отъ вѣка?“

„Философы раздѣлились на два большихъ лагеря сообразно тому, какъ отвѣчали они на этотъ вопросъ. Тѣ, которые утверждали, что духъ существовалъ прежде природы, и которые, слѣдовательно, такъ или иначе признавали сотвореніе міра,—а у фило-

софовъ, напримѣръ, у Гегеля, сотвореніе міра принимаетъ еще болѣе нелѣпный и запутанный видъ, чѣмъ у правовѣрныхъ христіанъ,—составили идеалистическій лагерь. Тѣ же, которые основнымъ началомъ считали природу, примкнули къ различнымъ школамъ матеріализма.

„Ничего другого и не заключаютъ въ себѣ выраженія: идеализмъ и матеріализмъ, взятыя въ ихъ первоначальномъ смыслѣ. И только въ этомъ смыслѣ они здѣсь и употребляются. Ниже мы увидимъ, какая путаница выходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приписывается какое-либо другое значеніе“.

Итакъ, важнѣйшая отличительная черта матеріализма состоитъ въ томъ, что онъ устраняетъ *дуализмъ духа и матеріи, бога и природы* и считаетъ природу основой тѣхъ явленій, для объясненія которыхъ еще первобытныя охотничьи племена апеллировали къ дѣятельности предметныхъ *душъ, духовъ*. Противникамъ матеріализма, имѣющимъ о немъ по большей части самое нелѣпое представленіе, кажется, что Энгельсъ неправильно опредѣлилъ сущность матеріализма, что на самомъ дѣлѣ матеріализмъ сводитъ *психическія явленія къ матеріальнымъ*. Вотъ почему они были крайне удивлены, когда я въ спорѣ съ г. Бернштейномъ отнесъ Спинозу къ числу матеріалистовъ. Но для доказательства правильности даннаго Энгельсомъ опредѣленія матеріализма достаточно привести нѣсколько выписокъ изъ сочиненій матеріалистовъ XVIII вѣка.

„Не будемъ выходить за предѣлы природы (*demeurons dans la nature*), когда мы захотимъ дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ природы“,—говоритъ авторъ извѣстнаго сочиненія: „*Le bon sens puisé dans la nature*“ (Гольбахъ),—„откажемся отъ исканія такихъ причинъ, которыя слишкомъ тонки для того, чтобы дѣйствовать на наши внѣшнія чувства *), и будемъ держаться того убѣжденія, что, выходя за предѣлы природы, мы никогда не рѣшимъ задачъ, которыя ставятся передъ нами природой“ **).

*) Надо замѣтить, что Гольбахъ называетъ матеріей все то, что дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства.

***) Я цитирую по парижскому изданію „перваго года республики“.

Совершенно въ томъ же смыслѣ высказывается Гольбахъ въ другомъ, болѣе извѣстномъ своемъ сочиненіи: „Système de la nature“, котораго я не цитирую именно потому, что оно болѣе извѣстно. Ограничусь простымъ указаніемъ того, что мѣсто, относящееся къ интересующему насъ вопросу, находится въ шестой главѣ второго тома этого сочиненія (стр. 146 лондонскаго изданія 1781 г.).

Гельвецій стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. „Человѣкъ“,—говоритъ онъ,—„есть созданіе природы; онъ находится въ природѣ; онъ подчиненъ ея законамъ; онъ не можетъ отъ нея освободиться; онъ не можетъ, хотя бы въ мысляхъ своихъ, выйти за ея предѣлы... Для существа, созданнаго природой, не существуетъ ничего по ту сторону великаго дѣла, часть котораго онъ собою представляетъ... Существа, стоящія будто бы выше природы и отличныя отъ нея, являются простыми химерами“ и т. д. *).

Были, правда, матеріалисты, признававшіе существованіе бога и смотрѣвшіе на природу, какъ на его твореніе. Такимъ былъ напримѣръ, Джозефъ Пристлей **). Но это вѣрованіе было у знаменитаго естествоиспытателя простымъ теологическимъ привѣскомъ къ его матеріалистическому ученію, основнымъ положеніемъ котораго служить та мысль, что человѣкъ есть созданіе природы, и что „тѣлесныя и духовныя свойства человѣка коренятся въ одной и той же субстанціи, растутъ, зрѣютъ и убываютъ вмѣстѣ съ ней“ ***). Этой субстанціей является *матерія*, какъ Пристлей повторяетъ не разъ въ этомъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ ****).

Фейербахъ справедливо говоритъ, что та субстанція, которую Спиноза теологически называетъ богомъ, при ближайшемъ разсмотрѣ-

) Le vrai sens du système de la Nature. Chap. I, De la nature.

**) См. его „Disquisitions relating Matter and Spirit“ въ первомъ томѣ бирмингемскаго изданія его сочиненій (1782 года). Тамъ богъ оъявляется нашимъ творцомъ (our Maker, p. 139), всѣмъ во всемъ (p. 143) и т. д.

***) Ibid., p. 69.

****) „Matter being capable, of the property of sensation or thought (The History of the philosophical doctrine concerning the origine of the soul“, въ первомъ томѣ того же изданія его сочиненій, p. 400).

рѣнн (bei Lichte besehen) оказывается природой *). Это такъ же вѣрно, какъ и другое замѣчаніе Фейербаха: „тайна, истинный смыслъ философіи Спинозы есть природа“ **). И именно потому Спиноза, несмотря на теологическую оболочку его основной философской идеи, долженъ быть отнесенъ къ материалистамъ. Это прекрасно понялъ еще *Дидро*, который,—какъ это видно изъ его статьи: „Spinoziste“ въ XV томѣ Энциклопедіи,—считалъ себя и своихъ единомышленниковъ новѣйшими спинозистами (spinozistes modernes). Если „критики Маркса“ испустили единодушный крикъ удивленія, когда я въ спорѣ съ Бернштейномъ выразилъ ту мысль, что материализмъ Маркса и Энгельса былъ родомъ спинозизма (eine Art Spinozismus), то это объясняется единственно ихъ изумительнымъ невѣжествомъ ***). Чтобы сдѣлать себѣ эту мысль болѣе доступною, надо вспомнить, во первыхъ, что Марксъ и Энгельсъ прошли черезъ философію Фейербаха, и во вторыхъ, постараться выяснить себѣ, чѣмъ же собственно отличается философія этого послѣдняго отъ философіи Спинозы. Кто умѣетъ понимать прочитанное, тотъ скоро увидитъ, что по своему основному взгляду на отношеніе бытія къ мышленію Фейербахъ есть Спиноза, переставшій величать природу богомъ и прошедшій школу Гегеля.

Пойдемъ дальше. Если, какъ мы видѣли выше, Пристлей училъ что матерія имѣетъ свойство *ощущать* и *думать*, то уже изъ этого видно, что *материализмъ вовсе не пытается свести всю психическія явленія къ движенію матеріи*, какъ это говорятъ за него его противники ****). Для материалиста ощущеніе и мысль, сознаніе, есть внутреннее состояніе движущейся матеріи. Но никто изъ материалистовъ, оставившихъ замѣтный слѣдъ въ исторіи философской мысли, не „сводилъ“ сознанія къ *движенію*

*) Werke, IV Band, S. 380.

***) Тамъ же 391.

***) Меня спрашивали, возражая мнѣ, что значить: „родъ спинозизма“. На это легко отвѣтить: у Маркса и Энгельса,—какъ уже и у Дидро,—спинозиамъ былъ освобожденъ отъ его теологической внѣшности. Только и всего.

****) См., напримѣръ, Лассвица: Die Lehre Kant's von der Idealität des Raumes und der Zeit, Berlin, 1883, S. 9.

и не *объясняли* одного другимъ. Если матеріалисты утверждали, что для объясненія психическихъ явленій нѣтъ надобности придумывать особую субстанцію,—душу; если они утверждали, что матерія способна „ощущать и мыслить“, то эта способность матеріи казалась имъ такимъ же основнымъ, а потому и необъяснимымъ ея свойствомъ, какъ и движеніе. Такъ, напримѣръ, Ламеттри, ученіе котораго изображается обыкновенно, какъ самая грубая разновидность матеріализма, категорически говорилъ, что считаетъ движеніе такимъ же „чудомъ природы“, какъ и сознаніе *) При этомъ различные матеріалисты различно смотрѣли на эту способность матеріи обладать сознаніемъ. Одни,—напримѣръ, Пристлей и, повидимому, Гольбахъ, не высказывавшіяся, однако, вполне рѣшительно,—полагали, что сознаніе возникаетъ въ движущейся матеріи лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она организована извѣстнымъ образомъ. Другіе—Спиноза, Ламеттри, Дидро—думали, что матерія всегда обладаетъ сознаніемъ, хотя только при извѣстной ея организациі сознаніе достигаетъ сколько-нибудь значительной степени интенсивности. Теперь этого послѣдняго взгляда держится какъ извѣстно, знаменитый Геккель. Что касается общаго вопроса о томъ, способна-ли матерія „мыслить“, то едва-ли хоть одинъ добросовѣстный естествоиспытатель затруднится отвѣтить на него отрицательно. „Конечно, въ наше время“,—говоритъ агностикъ Геккель въ своей книгѣ объ Юмѣ,—„всѣ тѣ, которые находятся на высотѣ этого вопроса, не усумнятся въ томъ, что основы психологіи заключаются въ физиологіи нервной системы“ **). Это именно то, что говорятъ матеріалисты, и Энгельсъ совершенно правъ, говоря въ предлагаемой брошюрѣ, что агностицизмъ есть лишь застѣнчивый матеріализмъ. Современная психо-физиологія насквозь пропитана духомъ матеріализма. Правда, нѣкоторые психо-физиологи отговариваются отъ матеріалистическихъ выводовъ посредствомъ ученія о *параллелизмѣ* психическихъ и физическихъ явленій. Но въ данномъ случаѣ констатированіе параллелизма:

*) Oeuvres philosophiques de Monsieur de la Mettrie, Amsterdam MDCCLXIV, tome premier, p. 67 и 73.

***) См. стр. 181 французскаго перевода этой книги.

несомнѣнно, является лишь средствомъ открытія причинной связи между явленіями, какъ это разъяснилъ еще Александръ Банъ *).

Теперь обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла. Философія Маркса и Энгельса—не только *материалистическая* философія. Она есть *діалектической материализмъ*. А противъ этого ученія возражаютъ, говоря, во первыхъ, что діалектика сама по себѣ не выдерживаетъ критики, и во вторыхъ, что именно материализмъ-то несомнѣннѣе съ діалектикой. Остановимся на этихъ возраженіяхъ.

Читатель помнитъ, вѣроятно, какъ г. Бернштейнъ объяснялъ вреднымъ вліяніемъ діалектики то, что онъ называлъ ошибками Маркса и Энгельса. Обычная логика держится формулы: „да—да и нѣтъ—нѣтъ“, а діалектика превращаетъ эту формулу въ ея прямую противоположность: „да—нѣтъ и нѣтъ — да“. Не долюбивая этой послѣдней „формулы“, г. Бернштейнъ утверждалъ, что она способна ввести человѣка въ самыя опасныя логическія искушенія и заблужденія. И съ нимъ, вѣроятно, соглашалось огромное большинство такъ называемыхъ образованныхъ читателей, потому что формула: „да—нѣтъ и нѣтъ—да“, повидимому, рѣзко противорѣчатъ основнымъ и неизблемымъ законамъ мышленія. Вотъ эту-то сторону дѣла намъ и надо разсмотрѣть здѣсь.

„Основныхъ законовъ мышленія“ считается три: 1, законъ тождества; 2, законъ противорѣчія; 3, законъ исключеннаго третьяго.

Законъ тождества (*principium indetitatis*) гласитъ: А есть А (*omne subjectum est predicatum sui*) или, иначе, $A = A$.

Законъ противорѣчія,—А не есть по-А,—представляетъ собою лишь отрицательную форму перваго закона.

По закону исключеннаго третьяго (*principium exclusi tertii*), два противоположныя сужденія, исключаящія одно другое, не могутъ быть оба ошибочны. Въ самомъ дѣлѣ, А есть или В, или по-В; вѣрность одного изъ этихъ сужденій непременно означаетъ ошибочность другого и наоборотъ. Середины тутъ нѣтъ и быть не можетъ.

*) Душа и тѣло, переводъ съ 6-го англійскаго изданія, Кіевъ, 1884 года, стр. 24—25.

Ибервегъ замѣчаетъ, что законъ противорѣчія и законъ исключеннаго третьяго могутъ быть объединены въ слѣдующемъ логическомъ правилѣ: *на каждый въполнѣ определенный—и понимаемый именно въ этомъ определенномъ смыслѣ—вопросъ о принадлежности данному предмету даннаго свойства надо отвѣчать или—да, или—нѣтъ и нельзя отвѣтить: и да, и нѣтъ **).

Трудно возразить что-нибудь противъ вѣрности этого правила. А если оно вѣрно, то формула „да—нѣтъ и нѣтъ—да“ кажется совершенно несостоятельной, и намъ остается лишь смѣяться надъ нею, по примѣру г-на Бернштейна, да разводить руками по поводу вопроса о томъ, какимъ образомъ такіе несомнѣнно глубокіе мыслители, какъ Гераклитъ, Гегель и Марксъ, могли находить ее болѣе удовлетворительной, чѣмъ формула: „да—да и нѣтъ—нѣтъ“, прочно основывающаяся на вышеуказанныхъ основныхъ законахъ мышленія.

Этотъ роковой для діалектики выводъ кажется неотразимымъ. Но прежде, чѣмъ принять его, взглянемъ на дѣло съ другой стороны.

Основу всѣхъ явленій природы составляетъ движеніе матеріи **). По что такое движеніе? Это есть очевидное противорѣчіе. Если васъ спросятъ: находится ли движущееся тѣло въ данное время въ данномъ мѣстѣ, то вы при самомъ искреннемъ желаніи не въ состояніи будете отвѣтить согласно правилу Ибервега, т. е. по формулѣ: „да—да и нѣтъ—нѣтъ“. Движущееся тѣло находится въ данномъ мѣстѣ и въ то же время не находится въ немъ ***). О немъ нельзя судить иначе, какъ по формулѣ:

*) System der Logik, Bonn, S. 219.

***) Я говорю объ объективной сторонѣ явленій. „Une volition est, pour le cerveau, un mouvement d'un certain système de fibres. Dans l'âme c'est ce qu'elle éprouve en consequence du mouvement des fibres“... (Robinet, De la Nature, t. I, Ch. XXII, partie IV). Ср. Фейербаха: „Was für mich oder subjectiv ein rein geistiger Act., ist an sicht oder objectiv ein materieller, sinnlicher“. Werke, II, 350.

***)) Это вынуждены признать даже самые рѣшительные противники діалектическаго метода. „Die Bewegung,—говоритъ А. Трепеленбургъ,—die vermöge ihres Begriffs an demselben Punkte zugleich ist